

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ИСТОРИЯХ ЖИЗНИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЙ)¹

© 2015 г. Н. К. Радина

*Доктор политических наук, кандидат психологических наук,
профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Нижний Новгород;
e-mail: rasv@yandex.ru*

На материале автобиографических текстов, превращенных в категориальные матрицы, реконструируются модели жизненных историй мужчин и женщин. Проверена гипотеза о том, что гендерные особенности мужских и женских автобиографий не сводятся к специфике мужской и женской речи, а отражают субъектную переработку норм гендерной социализации. На основе методики биографического интервью записаны и сопоставлены автобиографии женщин 31–72 лет ($N = 34$) и мужчин 23–69 лет ($N = 36$). Автобиографические тексты были подвергнуты процедуре экспертного категориального анализа; полученные семантические матрицы обработаны с помощью методов математической статистики. Показано, что в отличие от частотного анализа автобиографического текста, факторный анализ ставит под сомнение “гендерную нормативность” личной истории. Описана тенденция к использованию адаптивных жизненных стратегий в конструировании мужских автобиографических сценариев и трансформационных гендерных стратегий – в формулировании женских сценариев. Результаты эмпирического исследования мужских и женских автобиографий конкретизируют теоретические положения относительно социального творчества женской гендерной группы, конструирующего автобиографии женщин в русле изменения традиционных “культурных скриптов”.

Ключевые слова: автобиография, гендер, мужская/женская культура, жизненный сценарий, открытое кодирование, факторный анализ.

В настоящее время, во многом благодаря развитию дискурсивной психологии, возрос интерес психологов к самопрезентации личности посредством речевой активности [1, 10, 20, 23 и др.], однако психологические аспекты конструирования автобиографии по-прежнему остаются недостаточно изученными. Современные социологи, социальные антропологи, историки, реконструируя социальное пространство личности, для анализа автобиографий избирают преимущественно феноменологическую основу [2, 11 и др.]. В отличие от них психологи, как правило, создают психодиагностические инструменты, позволяющие “измерить” жизненное пространство личности:

определить “психологический возраст”, надситуативность и т.д. [19, 21 и др.].

Психоаналитическая герменевтика – одна из наиболее известных классических интерпретативных матриц психологического изучения автобиографии в русле качественной методологии. Так, методика А. Адлера “Ранние детские воспоминания” включает в себя подробные правила “чтения знаков”, заключенных в автобиографическом тексте, и используется преимущественно в практике психологического консультирования [13, 30 и др.], относительно редко – в исследованиях при групповом анализе [29].

Рефлексия разнонаправленного движения исследовательских стратегий в изучении автобиографического текста заставляет искать “золотую середину”, учитывающую своеобразие индивидуального при внимании к скрытым закономерностям и поиску латентных связей внутри изучаемых текстов. Это особенно важно для психологических

¹ Работа выполнена при поддержке Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2013/2014 гг. (проект №12-01-0203). Автор статьи благодарит экспертную группу (слушателей магистерской программы “Компьютерная лингвистика” факультета “Бизнес-информатика” НИУ ВШЭ – Нижний Новгород (2013–2014 уч. г.)) за участие в кодировании текстов и обработке данных.

исследований, опирающихся на материалы “виртуальной реальности”, размещенные в сети Интернет, в том числе использующие корпуса автобиографических текстов (дневников, блогов и т.п.).

Другая методологическая проблема при изучении автобиографии – исследовательская установка на роль субъектности в конструировании автором автобиографии. В.В. Нуркова в монографии, посвященной автобиографической памяти, отмечает: «...Строительство автобиографии идет по принципу Симплетонского туннеля (...), по двум встречным направлениям. Первый путь – это присвоение одного из бытующих представлений о том, что есть судьба человека и какие события ее составляют. (...) Но одновременно он строит себя и другим путем: активно отбирая факты, творит индивидуальную идею уникальной “своей” судьбы» [25, с. 10].

В процессе создания биографии интегрируются субъективно и культурно маркированные события, следовательно, на основе релевантных инструментов анализа возможно определить “культурный вклад”, “культурные коды” индивидуальных автобиографий [26].

Важно отметить, что “культурная матрица” автобиографии не ограничивается рамками этнической культуры. Гендерная культура, формирующая нормы гендерных отношений и стандарты гендерной идентичности, в повседневности менее очевидна, но не менее значима с точки зрения влияния на личность и представленности в личной истории [7, 18, 24, 36 и др.].

Идея “подвижности”, изменчивости, “сконструированности” автобиографического текста часто используется в психотерапии [14, 30, 32 и др.], а также в русле постмодернистских дискуссий [6]. Исследовательский поиск в области психологии личности, социализации и репрезентации субъектного и культурного в автобиографическом тексте нуждается в новых способах анализа данных.

Цель представляемого исследования – идентификация гендерных особенностей мужских и женских автобиографий.

Гипотеза исследования состоит в том, что гендерные особенности мужских и женских автобиографий не сводятся к специфике мужской и женской речи [8, 15], а отражают субъектную переработку норм гендерной социализации [27].

МЕТОДИКА

Участники исследования. В процессе исследования на основе методики биографического интервью были записаны автобиографии 34 женщин

от 31 года до 72 лет (средний возраст женщин – 44 года, ст.откл. = 12.8; уровень образования – техникум у 18-ти интервьюируемых, высшее образование у 13-ти, среднее образование у 3-х) и 36 мужчин от 23 до 69 лет (средний возраст мужчин – 42 года, ст.откл. = 11.7; уровень образования – техникум у 15-ти интервьюируемых, высшее образование у 16-ти, среднее образование у 6-ти), проживающих в малых городах и сельской местности.

Методика и процедура исследования. Согласно инструкции, участникам исследования необходимо было рассказать о своей биографии от рождения до момента интервьюирования, о событиях и людях, которые сформировали их автобиографию. Наводящие или уточняющие вопросы в процессе интервьюирования считались нежелательными, требовался аутентичный “рассказ о своей жизни” без направленного влияния исследователя. В процессе интервью тексты записывались и далее транскрибировались. В итоге корпус мужских автобиографий составил 29122 словоупотреблений (средний объем автобиографии – 787 словоупотреблений при стандартном отклонении 293), корпус женских автобиографий составил 35870 словоупотреблений (средний объем автобиографии – 1055 словоупотреблений при стандартном отклонении 407).

Далее автобиографические тексты были подвергнуты процедуре обработки, построенной на принципах “открытого кодирования”, изложенных в русле “обоснованной теории” А. Страусса и Д. Корбина [31]. Подход обоснованной теории – это качественный исследовательский метод, использующий систематический ряд процедур для разработки индуктивно выведенной обоснованной теории некоего явления, в данном случае – модели автобиографии.

Суть обработки текстов состояла в том, что экспертная группа от двух до четырех человек читала автобиографический текст и, совещаясь для поиска “объективного понимания”, разделяла его на смысловые единицы (выделяла секвенции). Далее каждая секвенция была проинтерпретирована экспертной группой, то есть были сформулированы варианты понимания каждой выделенной секвенции. Из ряда “смыслов секвенции”, которые были идентифицированы интерактивно в процессе дискуссии, определялся доминирующий, на основании чего секвенция получала “ярлык” (в “ярлыке” отражалось конвенциональное содержание секвенции).

На следующем этапе все “ярлыки” секвенций были классифицированы, на основании

чего экспертная группа выделила 22 категории, обозначающие различные жизненные события (см. табл. 1). После этого весь текст был перекодирован: уникальные “ярлыки” были заменены на обобщенные категории. Например: «*Мы жили в доме с бабушкой и с семьей сестры моего отца* / (ярлык: “состав расширенной семьи в детстве”); последующая категория: “общие воспоминания о детстве”», *поэтому с братом, моим ровесником, мы росли вместе* / (ярлык – “детство с братом”); последующая категория: “общие воспоминания о детстве”» (С., женщина, 50 лет, образование высшее).

Далее каждая категория получила свой цифровой код, после чего все тексты автобиографий были повторно перекодированы (вместо обобщенной категории каждая секвенция получила соответствующий цифровой код), и полученные данные затем перенесены в цифровые матрицы.

Двадцать две содержательные категории обрзовали 9 сфер реализации жизни на основе семантической близости (например, были объединены все категории, описывающие семейные отношения). Сфера “Локация” объединила категории, описывающие местонахождение автора жизнеописания, его/ее переезды, связанные с переменой места жительства, командировками, “распределением” после обучения в вузе и т.п.

В эту же сферу была включена категория “армия”, поскольку в интервью армейский опыт про-являлся исключительно как опыт перемещения (из дома – в другой район, город, республику, страну), что соответствовало содержанию сферы “Локация”.

Испытания армейской жизни, описанные в некоторых интервью, были категоризированы самостоятельно на основе их содержания, например, как “Трудности” (если речь шла о тяжелых условиях армейской жизни), “Собственные про-ступки” и т.д.

“Три года я служил в ракетных войсках. Часть стояла в тайге. На улице холод – минус 35, в казарме – минус пять. Ешь – ложкой быстро ра-ботать надо, а то еда через пять минут в лед превращалась” (С. мужчина, 68 лет, среднее образование).

«В армии первый год я служил честно, на благо Родины, а второй год службы – вялился. Ну, как вялился (“вялиться” – на сленге: “приятно прово-дить время” – Н.Р.). У меня была ответственная должность – исполняющий обязанности началь-ника турбазы. Ну, как сказать, воровать я не во-ровал, так как решил для себя, что воровать не

буду. Но так как меня туда послала наша армия и это ... как его, но она не позаботилась о моем питании. И гражданское начальство тоже обо мне не думало, – правда, мешок макарон присла-ло один раз, – поэтому мне приходилось обманы-вать потихоньку свое начальство» (М., мужчина, 36 лет, высшее образование).

Таким образом, благодаря согласованному пониманию текста экспертной группой и благо-даря процедурам кодирования были получены матрицы с номинативными данными для по-следующей компьютерной обработки, при этом анализ текстов производился в индуктивной качественной логике. Представленная схема ра-боты с текстом базировалась на принципе три-ангуляции, позволяющим интегрировать качест-венную и количественную стратегию в обработке текста [35].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Категориальная структура биографий. По-сле составления цифровых матриц на основе кор-пусов текстов мужских и женских автобиографий стала возможна количественная обработка ре-зультатов. На основе частотности категорий, ука-занных в категориальных матрицах, реконструи-ровалась структура автобиографии (см. табл. 1).

Согласно табл. 1, очевидные различия между мужскими и женскими текстами автобиографий локализованы в двух сферах. Так, представляя свою жизнь, женщины чаще говорят о семье (раз-личия статистически значимы; $p \leq 0.01$).

“Сыну уже было около пяти лет, я разговари-вала по телефону и вдруг понимаю, что в комна-те стало как-то тихо. Пошла искать сына, захо-жу в ванну, а он стоит перед зеркалом, на своем стульчике, все лицо в крови. Я в шоке, бросаю телефон и спрашиваю осторожно так: что он делает? А сынок отвечает: я бреюсь, как папа. Только тогда я заметила в его руке бритвенный станок” (смеется) (А., женщина, 42 года, обра-зование среднее специальное).

Мужчины чаще говорят о событиях, связанных с обучением, в том числе – с профессиональным обучением после школы (в техникумах, на курсах, в институтах; различия статистически значимы; $p \leq 0.01$).

“В техникуме самым близким был инструктор по стрельбе. Друзья, ну это, конечно же. Хотел достойно закончить техникум. Еще я тогда начал заниматься стрельбой, выезжал на сорев-нования, конечно же, хотелось на них победить.

Таблица 1. Категориальная структура автобиографий (%)

Сферы жизни	Мужчины	Женщины	Категории	Мужчины	Женщины
Детство	7	6	Общее описание детства	7	6
	18**	25**	Семья родителей	13	12
Семья			Дети	4**	9**
			Внуки	0	1
			Новые родственники	1	3
			Любовные отношения	10*	7*
Дружба и любовь	18	17	Друзья	8	10
	13**	9**	Учеба в школе	6	4
Образование			Учеба после школы	7	5
	9	7	Работа	7	5
Работа			Карьера	2	2
	7	6	Автохарактеристики	2	2
Сфера Я			Увлечения	5	4
	6	7	Армия	4	0
Локация			Локация	2**	7**
	17	17	Собственные проступки	2	0
Проблемы			Проступки и преступления	0	1
			родственников		
			Трудности	9	9
			Смерть	5	4
			Болезнь	1	3
Созерцание	5	6	Философствование	2	2
			Историчность	3	4

Примечание. Критерий U-Манна-Уитни, * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$.

Занял третье место по Советскому Союзу. Учился хорошо, правда, не любил английский язык, да я его и сейчас не люблю. Знаю только русский и туркменский” (Д., мужчина, 43 года, высшее образование).

Сфера “Локации”, описывающая перемещения, переезды автора биографии, в мужских историях представлена преимущественно в контексте воинской службы, у женщин – как испытание, вызов или поиск работы.

«Потом мужа через полтора года отправили на принудительные, или как их там назвать, работы – на поселение. Я поехала за ним, как “жена декабриста”. Ужасный был период в моей жизни! Я с маленьким ребёнком на руках, еду неизвестно куда, за душой ни гроша! Там на работу без прописки не берут, прописывать не хотят, потому что работы нет. Замкнутый круг какой-то! В общем, жизнь потрепала! Жила, как в тумане! Ну и с этим справились, слава Богу!» (К., женщина, 55 лет, образование среднее специальное).

Структура сферы межличностных отношений в автобиографиях мужчин и женщин организована таким образом, что у женщин преобладают

воспоминания о дружеских связях (с коллегами, подругами), а мужчин – любовные переживания.

“А в 48 лет мне встретила Лена. Она была попутчицей моей в направлении достижения свободы и любви. Я достиг понимания того, что главная цель – это достижение состояния любви” (Л., мужчина, 52 года, высшее образование).

Незначительные по объему в тексте, но принципиальные отличия есть и в некоторых других позициях: так, категория “армия” и “собственные проступки” отсутствует в автобиографиях женщин, а в текстах мужчин отсутствует категория “проступки и преступления родственников”.

Количественный анализ категориальных данных позволил реконструировать структуру событий автобиографий мужчин и женщин, в целом отражающую нормы гендерной социализации, предписывающие женщинам активность в приватной сфере (ориентация на семью) и компетентность в области эмоциональных отношений, а мужчинам – активность в публичной сфере (ориентация на образование и профессию), включая возможность социальных девиаций, компетентность в инструментальных отношениях, сексуальную активность, которая в автобио-

Таблица 2. Реализуемые сценарии жизни в женском автобиографическом тексте

Факторы Сферы	Жизнь – это общение и социальное развитие	Жизнь – это напряжение	Жизнь – это движение в пространстве и времени
	% дисперсии – 21.708	% дисперсии – 19.219	% дисперсии – 16.844
Детство	0.222	–0.358	0.491
Семья	0.133	–0.181	–0.809
Дружба и любовь	0.756	–0.266	–0.179
Образование	0.624	–0.084	0.308
Работа	–0.015	0.821	0.084
Сфера “Я”	–0.728	–0.182	–0.217
Локация	0.218	0.001	0.622
Проблемы	–0.052	0.749	0.003
Созерцание	–0.487	–0.485	0.388

графиях трансформировалась в романтические сюжеты [24].

Отражение норм гендерной социализации в автобиографиях мужчин и женщин согласуется с идеей инкультурации гендерных норм в процессе взросления [7, 18 и др.]. Тем не менее, признавая преобладание стратегии воспроизводства гендерной культуры на уровне социально одобряемой гендерной идентичности, в данном исследовании предполагалось описать стратегии возможного социального творчества, обладающего потенциалом изменения гендерной культуры. Для этого был проведен корреляционный анализ (использовался коэффициент сопряженности Пирсона), а на основе полученных корреляций – факторный анализ (метод главных компонент; с использованием *Varimax*-вращения с нормализацией Кайзера).

Проведение факторного анализа на основе данных номинативных шкал считается возможным, хотя и недостаточно точным, теряющим часть информации, при этом подчеркивается, что корреляционная матрица, по которой производится факторизация, должна состоять из одного вида показателей связи (в данном случае – коэффициент сопряженности Пирсона) [12].

Глубинные структуры мужских и женских автобиографий. Авторы автобиографий, принимающие участие в исследовании, впервые представляли свою историю жизни как значительную, ориентированную на слушателей, часто не считая себя “достойными истории”.

“Да нет ничего интересного в моей жизни. Вся моя жизнь – сплошные хлопоты, дети, магазины. Больше нет ничего. И опять – то же самое: работа – и все. Вот – вся моя жизнь! (саркастически смеется) Одни дети, одни проблемы, одна работа. Всю жизнь – на двух работах, и больше

нет ничего” (Л., женщина, 72 года, среднее образование).

Чтобы внешняя, очевидная логика автобиографии, отраженная в частотности и категориальной структуре, не затмевала скрытых, латентных связей между событиями жизни, был проведен факторный анализ. В результате факторного анализа женских автобиографий всего было идентифицировано 9 факторов, из них три ведущих фактора (ведущие факторы были условно названы “сценариями”²), представленные в табл. 2.

Согласно табл. 2, первый женский сценарий (“Жизнь – это общение и социальное развитие”) складывается преимущественно из событий общения с друзьями, подругами и, возможно, с возлюбленным, а также из воспоминаний об обучении в школе и после школы (в училище, на курсах и т.п.). Данный рассказ может содержать как незначительные характеристики – элементы воспоминаний детства, рассказы о переездах и о членах семьи, однако в них нет места рефлексии и размышлений о себе (не упоминаются описания себя, увлечения и хобби, игнорируются философские отступления). Это сценарий экстравертированной жизни, направленной на взаимодействие в социальных сетях преимущественно ровесников.

“Родилась я в деревне. Жизнь в деревне сильно отличается от городской. Меня не водили в детский садик, так как он находился в другой деревне, за три километра от нашей. <...> После школы не знала, куда пойти. Поехала в Н.Н., думала поступить в какое-нибудь училище или техникум. Промоталась весь день, но набор уже закончился, даже в коммерческом техникуме. Пришлось возвращаться домой <...>. Как-то к нам приеха-

² В статье понятие “сценарий” используется в значении “схема действия, план”.

ла моя двоюродная сестра из Н.Н. Предложила поехать в город, она там тоже в больнице работала, а жить можно у брата отца. Созвонились с дядькой, договорились <...>” (Т., женщина, 32 года, образование среднее специальное).

Второй женский сценарий (“Жизнь – это напряжение”) складывается как история работы и преодоления трудностей. Фактически вся жизнь героини вращается вокруг проблем на работе, преодоления трудностей в повседневной жизни, а история жизни выглядит как жесткий и тернистый путь. Это модель экстравертированной, полной испытаний жизни, сценарий – сосредоточие трудностей и проблем, с которыми борется героиня.

“Вообще, школа мне с трудом давалась, коллектив для меня... Я не любила, когда много народу <...>. В общем, мы росли в трудное время <...> Придешь в магазин, а там нет ничего. Талоны все эти. <...> Ты не представляешь, какие очереди за хлебом выстаивала, за яйцами. <...> Закончила училище, забеременела от Саши. Ему ничего сказать не успела, он уехал и номер не оставил <...> Родила мертвого мальчика, врачи сказали, что больше детей не будет <...> Татьяна помогла мне устроиться в детский сад. Сначала было тяжело, потом отошла ото всего, с детьми было хорошо. Они же настоящие – не как взрослые. Потом пошла работать в магазин. Начальники там – очень хорошие и добрые люди. В 25 вышла замуж, но из этого ничего хорошего не получилось. Прожили мы с ним 3 года. Разочарований было, конечно, много, но и хорошее тоже было. Он меня по-своему любил, заботился. Потом бил – и опять заботился. Потом – другую полюбил, а мне указал на дверь” (Н., женщина, 34 года, образование среднее специальное).

Третий женский сценарий (“Жизнь – это движение в пространстве и времени”) – сценарий женщины, внутренне свободной от семейной рутины, сконцентрированной на приключениях и движении по жизни. В ее истории жизни есть место сюжетам из детства или из области образования, однако воспоминания, как правило, не содержат самоанализ и рефлексии. Это сценарий созерцательной женской жизни, стремящейся к переменам и движению.

“Родилась я в Г. До 3 лет я с родителями жила в пригороде. Помню печку и зайца-игрушку. С тех пор у меня сохранилось воспоминание о поездке в детский сад. Ехать надо было очень рано, родителям – на работу. И вот меня полусонную самую первую приводили в садик. А там – только дежурная няня. Я садилась на стульчик в группе и

досыпала, пока не приходили дети <...>. Поездка с бабушкой в Белоруссию была для меня незабываемой, потому что я впервые уехала из дома так далеко и надолго. Была Москва, метро, глубокое и страшное. Поезд, новые люди, новые места. Было очень интересно <...>. Что потом? Закончила 8 классов. Пошла в училище связи. Училась хорошо, лучше, чем в школе. <...> И за хорошую учебу меня премировали путевкой в дом отдыха в Пицунду. На этот раз я летела совершенно одна, самостоятельно” (К., женщина, 40 лет, высшее образование).

Представленные жизненные истории посредством корреляционных связей описывают сценарии, не согласованные с традиционными женскими сценариями служения семье. Из трех ведущих женских жизненных сценариев, выявленных благодаря факторному анализу, все три – о женской эмансипации, построенной на различных основаниях. В первом и третьем случае эмансипация конструируется позитивно: на основе интереса, любопытства (в социальном или физическом мире), второй сценарий – о женской эмансипации, построенной на преодолении трудностей. Тем не менее латентные связи показывают наличие трансформаций в традиционной женской культуре, невидимые при непосредственном количественном анализе категорий и тем в автобиографии.

В текстах мужских автобиографий факторный анализ позволил идентифицировать 9 факторов, из них 4 ведущих сценария реализации жизни (см. табл. 3).

Первый мужской сценарий (“Я рассуждаю, значит, существую”) – сценарий жизни философствующего созерцателя, наблюдающего мир вокруг и себя в мире. Размышления, “философствование” позволяют дистанцироваться от проблем и вообще всего того, что составляет жизнь за пределами собственного Я (работа, дружеские или любовные отношения, семья и т.д.). Фактически это сценарий жизни в мире воображения.

«Мы живем с матушкой. Мы приезжие, со С. Вообще, получилось недоразумение. Родился я в С., а зарегистрировали меня в Д. <...> Друзей я не помню, не помню, чтоб какая-то первая любовь была. <...> Благодаря этому педагогу я просто-напросто возненавидел такое понятие, как чтение. Вообще, прям, органически не переваривал книги. Есть более интересные вещи, как, например, побегать по улице, позаниматься спортом, просто похулиганить, например, школу поджечь. <...> Величайший стресс – это армия. Почему стресс армейский? Потому что меня призвали

Таблица 3. Реализуемые сценарии жизни в мужском автобиографическом тексте

Факторы	Я рассуждаю, значит, существую	Жизнь – в работе	Жизнь – в семье	Жизнь – это прошлое
Сферы	% дисперсии – 24.206	% дисперсии – 16.234	% дисперсии – 14.958	% дисперсии – 12.082
Детство	–0.053	–0.057	–0.014	0.865
Семья	–0.257	–0.155	0.772	0.232
Дружба и любовь	0.069	–0.622	0.207	–0.148
Образование	–0.093	0.086	–0.763	0.248
Работа	–0.005	0.789	0.009	–0.476
Сфера Я	0.774	–0.012	–0.397	0.144
Локация	–0.693	–0.227	0.014	0.172
Проблемы	–0.305	–0.459	0.128	–0.499
Созерцание	0.713	0.385	0.182	0.118

на полтора года. Но нам добавили еще полгода, я на полгода задержался. <...> После возвращения из армии я получил еще один стресс. Я решил заняться частным предпринимательством. Мое дело прогорело. Я ушел оттуда с большими долгами. Порядка года я занимался. В этот момент... есть такая поговорка: “Друг познается в беде”. Очень многие люди проявили себя с разных сторон. Я бы сказал – все проявили себя с отрицательной стороны. В этот момент я остался один. <...> В возрасте 28 лет у меня произошло событие, которое кардинально изменило мою жизнь. Вот. Просто получилась небольшая драка, неравный бой, так сказать, произошел. В общем получился очень серьезный бой. Произошла переоценка вообще всего в этой жизни. Если раньше как-то хотелось по-доброму, полюбовно решить там, к людям с душой там... Ну, опять все мое окружение показало свое истинное лицо» (К., мужчина, 30 лет, образование среднее специальное).

Второй мужской сценарий (“Жизнь – в работе”) содержит в качестве основных сюжетов и жизненных событий эпизоды из сферы работы и профессиональной самореализации (занятость, карьерный рост и т.д.). Возможна созерцательность и небольшая склонность к приключениям при пренебрежении дружескими и романтическими связями.

«Помню, что родители уехали жить в Свердловск, а я остался жить в деревне с бабушкой, дядей и тетей. <...> Я всегда хотел быть инженером-механиком, мне казалось, что это верх мастерства: инженер-механик может все! Мне 15 было. В этом возрасте вообще на работу еще не брали. Разрешили “по благу”. А через год я уехал в техникум учиться в Куйбышев. <...> Дальше –

армия. Армия мне дала всё! Я узнал разных людей, научился разбираться в людях, научился командовать (был командиром), научился принимать решения, отвечать за свои поступки. <...> Вернулся и сразу работать пошел. Шофером. Я права получил в январе, а в мае в армию ушел. Женился вскоре. Пошел работать на автомобильный завод, чтобы получить квалификацию. Родился сын. Потом развелся и уехал учиться в институт. <...> Институт – следующий этап и второе после армии классное место!! У меня всё было! Я учился очно и на 2 работах работал. Но мне не в тягость было! Мне нравилось» (Я., мужчина, 57 лет, высшее образование).

Третий мужской сценарий (“Жизнь – в семье”) центрирован на семейных отношениях. В истории допустимы упоминания дружеских контактов или любовные отношения до брака, однако пространство истории посвящается всецело семье – в ущерб образованию или рефлексии.

«Детство у меня было счастливое, я один в семье ребенок. Бабушка, дедушка, мать, отец – души во мне не чаяли. Вещами меня не баловали, денег больших у нас в семье не было, но любви, простой ласки – много. К другу уйдешь, так они бегут: долго, мол, тебя нет. Бабушка, обычно звала: “Милочка, пошли домой, я блинчики испекла”. Хорошие блины, до сих пор помню их вкус. <...> После окончания ракетного училища направление в Ленинград получил. Мы вместе с отцом поехали. В Ленинграде дальние родственники были, вот к ним мы и нагрянули. <...> В дивизии я недолго служил, но каждый день её вспоминаю добрым словом. Уехать мне пришлось по семейным обстоятельствам. Отец умер. Мать со стариками одна осталась. Пришлось перевестись в Нижний Новгород. Работал в ракетном училище, но

вскоре его ликвидировали. Пришлось стать безработным. Брался за любую работу, родителей кормить ведь надо. <...> Очередной этап жизни совсем уж безрадостный. Мама в больнице умерла, дедушка и бабушка – тихо дома. Вот и остался я один. Одиночество – не самая лучшая вещь. Все в доме о родителях напоминает. Я дверь в комнату матери закрыл и даже не захожу туда» (А., мужчина, 38 лет, высшее образование).

Четвертый мужской сценарий (“Жизнь – это прошлое”) объединяет истории жизни, содержащие преимущественно детские воспоминания, где настоящее поглощается прошлым (в истории прошлое доминирует, настоящее представлено пунктиром, “по поводу” прошлых событий).

“Значит, так: родился я в городе Г., в деревушке К., в 1982 году. Родился в декабре, вот. Холодный, ветреный месяц, как и я – по характеру закрыт и не особо общителен. <...> Помню ужасные скандалы, помню визги, крики, как папа на маму руки прикладывал. Это плохое было в моем детстве, даже горечь в рту. <...> Свое первое сентября я запомню навсегда, это 1988 год. Белая рубаша, галстук красный и лакированные ботинки! (Рассмеялся) Меня еще стих читать заставили, а я терпеть не мог читать и петь. <...> Потом, в четвертом классе у меня умерла мама. Этот день я тоже не забуду никогда. Потом всё пошло под откос. Отец запил, меня забрали крестные жить к себе, сестра замуж выскочила. <...> Значит, в 2000 году я не поступил в институт. Хотел в Княгинино – дальше по профессии. А в 2002 году у меня был сильный конфликт с отцом. Я очень хотел, чтоб он пить бросил, а он – ни в какую, полквартиры пропил” (Б., мужчина, 30 лет, среднее образование).

Первый, второй и четвертый сценарии истории мужской жизни построены как своеобразный уход от “реальности настоящего”. И если в первом и четвертом сценарии “уход от проблем” возможно маркировать как непродуктивный (в фантазии в первом случае и в прошлое – в последнем), то в сценарии “Жизнь – в работе” проблемы как бы растворяются благодаря погружению автора биографии в профессию (социально одобряемая форма адаптивного поведения).

Третий мужской сценарий “Жизнь – в семье” – история самоотречения в интересах своей семьи. Если же учесть содержательное наполнение сферы “семья” в изучаемых мужских историях (см. табл. 1), следует подчеркнуть, что это преимущественно “сыновний сценарий”. В целом идентифицированные сценарии мужской жизни не противоречат канонам мужской культуры, хотя

и не исчерпывают все возможные сценарии мужской самореализации [3, 7].

В психологических исследованиях, и особенно при описании психотерапевтической практики, традиционно сценарии жизни рассматривают в контексте архетипических сюжетов, отраженных в художественной литературе [см., напр., 5, 9 и др.]. Из известного в литературоведении “списка архетипических сюжетов” Х.Л. Борхеса для интерпретации представленных результатов подходят 2 сюжета: об укрепленном городе, который штурмуют и обороняют герои, и о поиске и приключениях (история Ясона, плывущего за золотым руном и т. п.) [4]. Оба сюжета (о борьбе и сопротивлении, о поиске и приключениях) реализованы в женских сценариях жизни.

Роберт Макки, характеризуя создание литературных сценариев, подчеркивает, что стереотипные истории остаются там, где появляются на свет, а архетипичные отправляются в путешествие [22], фактически указывая на “зоны культурного движения” при “воспроизводстве” культуры (женские истории, возможно, более близки архетипическим сюжетам благодаря наибольшей трансформационной активности “женской культуры”: изменяется и сама женская жизнь, и рассказ о ней).

Таким образом, представленные результаты эмпирического исследования согласуются с данными психологической практики и с признанными теоретическими концепциями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Структура мужского/женского автобиографического текста, описанная количественно, посредством частотности тем, традиционна и убеждает, что авторы автобиографий в историях жизни воспроизводят нормы гендерной культуры, формирующие и жизненный выбор авторов автобиографий, и способы жизнеописания. В результате женские автобиографии оказываются центрированными на семье, детях, на соблюдении правил и сохранении отношений. Мужские автобиографии – так же традиционно – сосредоточены на достижениях мужчины вне семьи, на нарушении правил и романтических отношениях.

Факторный анализ текстов автобиографий, раскрывая латентные связи, напротив, ставит под сомнение очевидную и обязательную “гендерную нормативность” личной истории. Доминирующие женские сценарии в автобиографиях оказываются историями эмансипации авторов жизнеописаний, а доминирующие мужские сценарии считают-

ся как более или менее продуктивные сценарии адаптации индивида к социальным нормам. Следовательно, отвечая на вопрос об индивидуальном и субъектном в жизнеописании, в автобиографии, следует отметить адаптивные жизненные стратегии в формулировании мужских сценариев и трансформационные стратегии – в женских. Авторы доминирующих женских сценариев, внешне разделяя традиционные нормы “женской культуры”, в сущности ориентированы на ее трансформацию, принципиальное обновление, представляя собственные биографии как истории приключений, развлечений или преодолений трудностей “внешнего мира”, вне традиционного контекста “семейного служения” женщины.

Известный социальный философ и исследователь “гендерной культуры” И.С. Кон считал женскую гендерную группу инициатором и субъектом изменений в области гендерных норм [16]. Результаты эмпирического исследования мужских и женских автобиографий конкретизируют теоретические положения относительно социального творчества женской гендерной группы, конституирующего автобиографии женщин в русле явного или менее заметного изменения традиционных “культурных скриптов”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алмаев Н.А., Кубрак Т.А.* Связь личностных черт и некоторых формальных характеристик рассказов, полученных по инструкциям Готтшалка и Адлера // Проблемы психологии дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 62–72.
2. *Астафьева Е.Н., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В.* Биографическое интервью / Под ред. В.Г. Безрогова. М.: Издательство УРАО, 2001.
3. *Берн Ш.* Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
4. *Борхес Х.Л.* Коллекция. СПб.: Северо-Запад, 1992.
5. *Браун Б., Педерсен Э., Рунберг М.* Сказки для души: использование сказок в психотерапии. М.: Информационный центр психологической культуры, 2000.
6. *Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология: Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2005. №1 (2). С. 9–30.
7. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М.: РОССПЭН, 2005.
8. *Горошко Е.И.* Языковое сознание: гендерная парадигма. Монография. М., Харьков: ИНЖЕК, 2003.
9. *Дикман Х.* Юнгианский анализ волшебных сказок. М.: Академический проект, 2000.
10. *Дороднев А.Б.* Психологические детерминанты вербализации негативного опыта. Автореферат дис. ... канд. психол.н. М., 2009.
11. *Зарецкий Ю.П.* История субъективности и история автобиографии: Важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 218–232.
12. *Иберла К.* Факторный анализ. Пер. с нем. В.М. Ивановой. М.: Статистика, 1980.
13. *Исполотова Е.Н., Николаева Т.П.* Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 69–76.
14. *Калмыкова Е.С., Мергенталер Э.* Нарратив в психотерапии: Рассказы пациентов о личной истории // Психологический журнал. 1998. № 6. С. 97–104.
15. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во “Институт социологии РАН”, 1999.
16. *Кон И.С.* История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп / Под ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2002.
17. *Кон И.С.* Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2001. С. 9–37.
18. *Кон И.С.* Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988.
19. *Кроник А., Ахмеров Р.* Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2008.
20. *Кубрак Т.А.* Самопрезентация субъекта. Состояние проблемы и дискурсивный подход к изучению // Проблемы психологии дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 180–194.
21. *Леонтьев Д.А.* Перспективы неклассической психодиагностики // Психологические исследования. 2010. №4 (12). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/353-leontiev12.html> (дата обращения: 27.01.2014 г.).
22. *Макки Р.* История на миллион долларов: мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2008.
23. *Малкова Г.Ю.* Выявление психологических особенностей личности методом контент-анализа // Проблемы психологии дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 85–99.
24. *Мид М.* Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. М., РОССПЭН, 2004.
25. *Нуркова В.* Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.
26. *Порус В.Н.* Тожество “Я” – конфликт интерпретаций // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 27–35.
27. *Радица Н.К.* Методологические ресурсы субъектно-деятельностного подхода для гендерных ис-

- следований в психологии // Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2009. С. 205–314.
28. *Радина Н.К., Никитина А.А.* Социальная психология мужественности. Социально-конструктивистский подход. М.: Боргес, 2011.
 29. *Радина Н.К., Павлычева Т.Н.* Рассказы о жизни как отражение психологических проблем выпускников сиротских учреждений // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 41–50.
 30. *Сидоренко Е.* Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру. СПб.: Речь, 2000.
 31. *Страусс А., Корбин Д.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. Т.С. Васильевой. М.: УРСС, 2008.
 32. *Фридман Дж., Комбс Дж.* Конструирование иных реальностей. М.: Класс, 2001.
 33. *Levant R., Richmond K.* A review of research on masculinity ideologies using the Male Role Norms Inventory // Journal of Men's Studies. 2007. Vol. 15. № 2. P. 130–146.
 34. *Titscher S.* Objective Hermeneutics in Tischer // Methods of text and discourse analysis. Reprint. London [u.a.]: Sage Publ., 2003. P. 198–212.
 35. *White M.D., Marsh E.E.* Content Analysis: a Flexible Methodology // Library trends. 2006. № 1 (55). P. 35–36.
 36. *Tannen D.* You just don't understand. Women and men in conversation. N.Y.: William Morrow and Company Inc., 1990.

CULTURAL-SPECIFIC AND INDIVIDUAL IN THE LIFE STORIES OF MEN AND WOMEN (BASED ON AUTOBIOGRAPHIES)

N. K. Radina

Sc.D. (political science), PhD, professor of department of Applied Linguistics and Intercultural Communication, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod

Models of men's and women's life stories have been reconstructed on the basis of transformed into categorical matrixes autobiographical texts. The hypothesis that gender-specific male and female autobiographies are not reduced to the specifics of male and female speech but reflect a subjective processing of gender socialization norms was tested. Based on the method of biographical interviews autobiographies of 34 women from 31 to 72 years and 36 men from 23 to 69 years were recorded and compared. Autobiographical texts were subjected to the procedure of expert categorical analysis; obtained semantic matrixes were processed by means of methods of mathematical statistics. It has been shown that factor analysis of the autobiographical texts in contrast to the frequency one, questioned the "gender normativity" of personal history. Tendency to use adaptive life strategies in designing men's autobiographical scripts and transformation of gender strategies in formulating female scenarios is described. The results of empirical study of male and female autobiographies concretize theoretical propositions concerning social creativity of female gender group, constituting women's autobiography in the line traditional "cultural scripts" changing.

Key words: autobiography, gender, male/female culture, life script, open coding, factor analysis.